

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

14 января 1993 г. в Институте русского языка РАН состоялись традиционные ежегодные (двадцать четвертые) чтения памяти академика В.В. Виноградова, которые были посвящены этимологии и истории русского языка: эволюции этимологических исследований; древнейшим славянским переводным памятникам письменности и некоторым вопросам исторической грамматики русского языка.

Подчеркивая роль В.В. Виноградова как одного из крупнейших русских филологов в развитии различных отраслей отечественного языкознания, чл.-корр. РАН Н.Ю. Шведова (Москва), открывая чтения, говорила о том, что Виноградовым было высказано много интересных идей в области истории языка, его строя и функционирования.

Чтения начались докладом акад. О.Н. Трубачева (Москва) "Славянская этимология вчера и сегодня", который был посвящен прошлому и настоящему одной из древнейших наук — этимологии, научным традициям, фундаментальным словарям, великим именам ученых, уникальным исследованиям.

Интересующая представителей разных филологий тема "Этимология вчера и сегодня" при ближайшем занятии ею обнаруживает свою затруднительность: нет строгих границ между "вчера" и "сегодня" нашей науки. Диалог между этимологией и письменной историей и определенные иллюзии, питаемые насчет комплектности истории слова по письменным памятникам, склоняют к выводу, что именно этимология есть квинтэссенция историзма (письменная история применительно к древней лексике очень часто застает период относительного покоя). Не закончен и диалог между системным и атомизирующим подходами. Последний из них явился, например, сегодня в новой ипостаси компонентного анализа, механистичного по природе. Обращение к трудам Виноградова [например, к статье

"Основные типы лексических значений слова" (ВЯ, 1953, № 5)] помогает укрепиться в понимании цельности значения слова, что необходимо для этимологии.

В докладе, далее, суммарно характеризовались этимологические словари, издание которых считается событием в этимологической науке: словари Миклошича, Бернекера и Брюкнера — это великое "вчера" нашей этимологии. Возрождение этимологической лексикографии начинается с 50-х годов XX в. и связывается с именами Славского, Махека, Фасмера. Новый этап в освоении праславянского лексического фонда определяется ныне издающимися праславянскими словарями: один под редакцией автора доклада (вышло с 1974 г. уже 19 вып.) и другой, издающийся в Кракове (вышло — также с 1974 г. — 6 томов). Рассказывая об этимологических словарях, докладчик указал на их основные лексикографические параметры (сама постановка этого вопроса — следствие нынешних успехов словарной типологии).

Далее О.Н. Трубачев остановился на основных этимологических исследованиях, монографиях, новых научных концепциях, спорах между ними, проблеме статуса славянского в отношении к балтийскому.

Формулируя задачи современного этимологического исследования, докладчик кратко коснулся теорий происхождения славянского языка, рассматривая его через призму внутрииндоевропейских отношений, сказал о типичных трудностях, ожидающих этимологов при изучении имен собственных, заимствований — подлинных и мнимых.

С определенной остротой был поставлен в докладе вопрос о принципах этимологических исследований: не существует особых, "своих" принципов этимологии, они у нее общие со сравнительным языкознанием, лингвистической типологией и внутренней реконструкцией. Не следует закрывать глаза и на то,

что этимология не только наука, но и искусство, хотя в наш технизированный век это обстоятельство вызывало, скорее, опасения, принимавшие подчас форму поисков формализации этимологического анализа (этимологическая формула). Культурно-исторический аспект этимологических исследований, неисчерпанные возможности последних в плане углубления наших познаний (особенно по отдаленным дописьменным периодам) сохраняют полностью свою актуальность и сегодня.

Е. М. Верещагин (Москва) в докладе "Гимнографический жанр в функционировании книжно-письменного языка на Руси (XI—XIII вв.)" изложил результаты анализа древнейших славянорусских служебных миней, особенно Декабрьской служебной минеи (которая сейчас готовится к изданию в ИРЯ РАН). Основной тезис доклада: в гимнографии, по сравнению с другими жанрами словесности, литературный язык выступает в полноте своих возможностей, поскольку для песнопений характерна высочайшая насыщенность семантики номинативных единиц, наибольшая сложность синтаксиса и, наконец, неременная представленность сразу двух языковых функций — коммуникативной и эстетической; следовательно, гимнографический жанр должен быть поставлен в числе источников по истории книжно-письменного языка Древней Руси на одно из центральных мест.

В докладе Е. М. Верещагин показал, что преобразованная под воздействием христианской духовности лексика песнопений может быть условно разделена на три группы: событийную, догматико-исповедную и гомилетическую. Славянские тропари и стихиры, однако, не полностью перенимают семантику греко-византийских источников: так, ассоциации из античной философии и мифологии, присущие, например, греческой стихире Св. Мины, были потеряны в славянском переводе.

Далее Е. М. Верещагин подверг анализу употребление глагола *обличати* в богослужебных последованиях и показал, что смысловая наполненность глагола сформировала важную для христианской культуры поведенческую парадигму: святитель обязан с негодованием ставить на вид высокому светскому лицу доказанные его прегрешения, подвергая себя риску мести и преследования. Таким образом, гимнографическая лексика имеет, наряду с другими,

еще и нравоучительный потенциал. Докладчик делает вывод, что воспринимающая культура способна сыграть активную преобразующую роль.

В докладе А. Ф. Журавлева (Москва) "О различиях в эволюции лексики и фонетики и различиях между картинами диалектного членения праславянского языка" были сопоставлены результаты фоностатистического и лексикостатистического подходов к реконструкции системы родства славянских языков, отражающей диалектное состояние славянского праязыка. Картина взаимосвязей между славянскими языками, воссоздаваемая на основе статистического анализа данных сравнительной фонетики (использована фоностатистическая модель Чекмана—Широкова, 1962), существенно отлична от результатов статистической обработки праславянских лексических изоглосс (материалом служили данные опубликованной части "Этимологического словаря славянских языков" под ред. О. Н. Трубачева).

Первая модель представляет группировку славянских языков сильно обособленными друг от друга, лексикостатистическая же модель рисует диалектное членение праязыка не столь резким. Причина расхождений усматривается ученым прежде всего в разных механизмах эволюции фонетики и лексики.

Фонетика, будучи системой с жесткой, в некоторых участках почти механической, взаимообусловленностью компонентов, эволюционирует преимущественно путем вытеснения одних элементов и структур другими. Изменения в фонетике часто носят характер цепной реакции, которая охватывает всю систему и изменяет принципы, обеспечивающие ее статическое равновесие, радикальным образом.

Изменения в лексике, по мнению докладчика, состоят, как правило, в заполнении вновь сформированным элементом некоей пустоты, обнаружившейся при концептуальном освоении мира, из потребности номинации, реже — из потребности экспрессии.

Развитие словаря протекает главным образом за счет кумуляции элементов. Этот принцип эволюции делает лексику не подверженной лавинным перестройкам и определяет ее способность гораздо дольше, чем фонетика, сохранять следы древних диалектных сближений и размежеваний.

Обоснованный вывод доклада: разви-

тие фонетики и лексики протекает не согласованно, и представления об отношениях праславянских диалектов, выработанные на основе учета только фонетических процессов, должны быть скорректированы принятием во внимание роли лексики в сложении диалектной картины праславянского языка.

А. М. Молдован (Москва) начал свой доклад "Критерии локализации древнеславянского перевода" с замечания о том, что впервые о важности этой проблемы в конце прошлого века говорил А. И. Соболевский. Далее была изложена история проблемы в трудах известных славистов.

Давно установлено, что существенным препятствием на пути определения лингвистических ареалов, к которым могут быть отнесены различные древнеславянские переводы, является вопрос о принадлежности протографу перевода тех или иных элементов текста. Поэтому решающим условием однозначного ответа на вопрос об аутентичности словарного состава памятника остается реконструкция его рукописной истории, хотя для многих переводов такая реконструкция почти невозможна ввиду малочисленности дошедших до нас списков.

Докладчик познакомил слушателей со своим анализом списком "Жития Андрея Юродивого", определившим их генеалогические взаимоотношения. Такое исследование стало возможным лишь при стечении нескольких благоприятных факторов. Это и многочисленность списков древнейшего перевода Жития (их более двухсот), и его значительный объем, насыщенность разнообразной лексикой (от богословской до бранной), а также разветвленная рукописная традиция греческого текста и обращение к списку именно той греческой редакции, с которой был сделан древнерусский перевод.

Текстологическое исследование позволило выделить типы однонаправленных лексических замен в списках "Жития Андрея Юродивого" относящихся к одной языковой территории. Основными критериями определения территориальной принадлежности древнеславянских переводов, по мнению докладчика, являются их лексика и синтаксис, а фонетико-орфографические и морфологические особенности списков могут учитываться только в качестве вспомогательного или дополнительного материала,

как и различные экстралингвистические сведения.

Было подчеркнуто, что для переводов, представленных обширной рукописной традицией, может быть реконструирована история их текста, решающим при этом является наличие адекватного текста греческого оригинала. Знание генеалогических взаимоотношений списков открывает возможность использования варьирующейся лексики для построения истории того или иного слова, определения этапов эволюции его значений и изменения его языкового статуса.

Доклад Ю. Л. Воротникова (Москва) «"Мир на качелях": к истории символа» посвящен образу "мира на качелях" в русской средневековой культуре и русской поэзии XIX—XX вв. В так называемых "антискоморошьях" царских указах 1648 г. запрещалось качание на качелях. Как это объяснить?

Докладчик считает, что средневековая культура вообще и культура Древней Руси в частности характеризовались особенностью, которую М. М. Бахтин определил как "двумирность". Первый мир — мир официальный — подчинялся законам "чинности" и "урядства", второй мир средневековья — так называемый "смеховой мир" — был тесно связан со стихией народных праздников. Он основывался на логике "обратности", логике непрерывного перемещения верха и низа. Образы "смехового мира" — это гротескные амбивалентные образы, стремящиеся "уловить самый момент смены, самый переход от старого к новому, от смерти к рождению".

В ряд образов такого типа входят и качели как символ чередования падений и взлетов, диалектического единства верха и низа. "Мир на качелях" народного гротескного реализма — это вечно рождающийся и умирающий, находящийся в процессе вечного становления и обновления родной человеку мир.

Качели связывались первоначально с весенним языческим аграрно-магическим действием. Поэтому церковь, выступая против обрядов, сохранявших связь с языческой стариной, запрещала и качание на качелях. Со временем магическая функция качелей была полностью утрачена, и они превратились в невинную детскую забаву.

Далее в докладе говорилось о литературном символе "мира на качелях" в

русской поэзии: у А.А. Фета, Ф. Сологуба и А. Вознесенского.

М.В. Шульга (Москва) выступила с докладом "Система и норма (на материале истории адъективных форм в русском языке)". Форма *у ней* по отношению к норме оценивается по-разному: как просторечное, разговорное или nereкомендуемое и как вполне нормативное. В.И. Чернышев ограничения на ее употребление считал "ошибкой плохих грамматик".

В поисках объективных критериев, на которые можно было бы опереться при оценке вариантов *у нее*, *у ней*, в докладе сделана попытка реализовать принцип, сформулированный В.В. Виноградовым (1964): оценить явление с позиций "научной теории о закономерностях развития системы".

Несомненно, нормативная форма *у нее* занимает совершенно изолированное положение в системе адъективного склонения: нигде более форма р. ед. жен. не отличается от форм д.-п. ед. жен. Тем не менее именно форма *у нее* продолжает древнерусскую морфологическую традицию. Каким образом была устранена оппозиция форм р. и д.-м. ед. жен. в склонении местоимений и прилагательных и почему эти преобразования отчасти обошли местоимение 3 л.?

В выступлении критически рассмотрены и отклонены общепринятые традиционные интерпретации "сокращения" флексии род. падежа — фонетическая и морфонологическая. Предлагается собственно морфологическое объяснение этого морфологического по своим последствиям процесса. Вариантность затрагивает лишь форму род. падежа, в форме вин. ед. представлено только *ее*. Формы могли разойтись, расподобиться только под влиянием межпадежного взаимодействия — объединения р. с д.-м. ед.

С позиций "закономерности развития системы" это означает перспективность варианта *у ней* и необходимость объяснить устойчивость единственной из сохранившихся старых форм р. ед. *ее*.

Неустойчивость системы падежных противопоставлений местоимения 3 л. (и как следствие вариантность форм *у нее* — *у ней*) отражает его двойственную природу: по значению и по синтаксической функции — это существительное, а системой формальных признаков оно исконно включено в адъективное склонение.

Реализация формальных предпосылок была задержана в русском литературном языке искусственным регулированием. До середины XIX в. форма *ей* (*ней*) употреблялась гораздо шире. Сейчас она встречается лишь с наиболее частотными предлогами *у*, *от*, *для*.

В заключение в докладе оспаривается правомерность применения популярного тезиса об экономии языковых средств для объяснения природы варианта *у ней*.

До последнего времени считалось, что грамматические категории прямого объекта и переходности не претерпели в истории русского языка сколько-нибудь существенных изменений. Это положение опровергается в докладе В.Б. Крысько (Москва) "Объект и переходность в истории русского языка".

Обращение к материалу древне- и среднерусских памятников показало, что функционально-семантическая сфера вин. падежа в действительности была значительно шире, нежели в современном языке. Выделяется разветвленная система обстоятельственных винительных, включающая пространственный, временной, причинно-целевой и перечислительный аккумулятив.

Объектная семантика вин. падежа отличалась диффузностью, не позволяющей четко отграничить прямой объект от непрямого. Вин. и другие косвенные падежи выражали семантическую категорию "объекта вообще", не дифференцированного по степени охваченности глагольным действием. Широта объективной семантики аккумулятива обусловила распространение оборотов с двойным объектным винительным, которые в свою очередь преобразовывались в транзитивные возвратные конструкции.

Трансформационные критерии объективности и переходности применительно к древне- и среднерусскому периодам также оказываются нерелевантными. Повидимому, прямой объект и переходность как грамматические категории, имеющие регулярно морфо-синтаксическое выражение, оформились в русском языке не ранее XVIII в.

Е.М. Сморгунова (Москва) в своем докладе анализировала "имена собственные в Ветхом Завете по древним славянским переводам" и использовала результаты сравнения текстов древних русских рукописей для важного текстологического решения, связанного с историей славянской пись-

менности. Работа состояла в анализе и сравнении десяти рукописей полного текста Ветхого Завета XV — начала XVI вв. из Румянцевского музея и рукописного отдела Публичной библиотеки. Среди рукописей: Ундольского № 1, описанная владельцем, три рукописи Кирилло-Белозерского монастыря, рукопись из собрания Погодина начала XVI в., Волоколамская рукопись с точной датой 1493 г. и рукопись Троице-Сергиевой Лавры XV в.

Для более четкого и определенного результата сравнения рукописей был выбран отрывок текста из книги Числа (гл. XIII, 5—17), содержащий 37 имен собственных, данных в определенном порядке и последовательности.

Из таблицы, где все имена были расписаны по рукописям и сопоставлены, Е.М. Сморгуню пришла к выводам

о разделении рукописей по редакциям. Отчетливо выделяются в особую группу рукописи Ундольского и Троицкая: они или имеют общий протограф или одна рукопись является копией другой. Остальные рукописи также объединяются по разным признакам, образуя внутри общей редакции текста подгруппы или семьи.

В заключение отметим, что регулярные Виноградские чтения в Институте русского языка РАН и представленные на чтениях доклады, отличающиеся теоретической обоснованностью, новизной и глубиной трактовки материала, имеют принципиально важное значение для современной науки о языке и обогащают нашу научную жизнь.

Иванова М.В. (Москва)

Уже двадцать лет под эгидой Научного совета АН СССР по истории языка и диалектологии и его преемника — Научного совета РАН "Русский язык: история и современное состояние" проводятся всесоюзные, а ныне межрегиональные конференции по историко-диалектологической проблематике. Пятнадцатая по счету конференция, образцово организованная деканом филологического факультета Калининградского университета проф. С.С. Ваулиной и ее коллегами по кафедре истории русского языка, прошла 4—6 октября 1992 г. в городе Зеленоградске. Тема конференции — "Исторические изменения в языковой системе как результат функционирования единиц языка" — привлекла на берега Балтики более 50 исследователей из России, Украины, Белоруссии, Грузии и Польши.

На пленарное заседание было вынесено семь докладов. И.С. Улуханов посвятил свое выступление стандартизации употребления слов, которая оказывается одной из причин их семантической эволюции: наиболее типичное употребление слова постепенно становится единственно возможным. Основное направление такой стандартизации — закрепление слова в "нематериальных" значениях и утрата его первичных "материальных" значений, что связано с преобладанием духовной тематики над кон-

кретно-бытовой. Стандартизация употребления — это нередко и стандартизация лексической (а иногда и синтаксической) сочетаемости. В целом стандартизация может быть одной из причин эволюции языка. По-видимому, именно такая эволюция свойственна церковнославянскому языку, представления об искусственности и неизменности которого преувеличены. В докладе О.А. Черепановой (С.-Петербург) рассматривался культурный аспект изучения лексико-семантических процессов в древнерусском языке, Л.Г. Панин (Новосибирск) высказал свои представления о соотношении церковнославянского и современного русского литературного языка, выделив основные параметры, различающие эти две системы: форму существования (соответственно устную либо и письменную, и устную), характер варьирования, влияние узуса на парадигматику в церковнославянском и грамматику на узус в русском, нормативность русского литературного и традиционность церковнославянского, национальную замкнутость русского в противоположность восточнохристианской распространенности церковнославянского, принцип "соборности" в развитии церковнославянского в отличие от инновационного характера русского. Доклад А. Бартошевича (Ольштыни) обратил внимание слушателей на словообразовательную корреляцию глаголов с

приставками *над-* и *под-* в восточно-славянских и польском языках. В выступлении С. М. Прохоровой (Минск) анализировались диалектные изменения глагольной валентности в свете теории поля, что позволило автору прийти к выводу о территориальной открытости, незамкнутости языковых зон Славии на синтаксическом уровне. Р. Д. Кузнецова (Тверь) осветила все еще мало разработанный вопрос образования союзных средств в условиях древнерусского текста; в частности, были рассмотрены конструкции типа *А что ... то...* и т.п., которые, десемантизируясь и приобретая функцию служебного слова, всегда сориентируются на содержание предшествующего высказывания или даже фрагмента текста. Э. А. Балалыкина (Казань) представила широкую картину разновременной энантиосемии в русском языке, выделив четыре случая ее развития: распад диффузного значения древнейшего слова и закрепление одного из противоположных оттенков; постепенное приобретение словом противоположного значения; волнообразный переход от одного полярного значения к другому; постепенная утрата полярности значений.

Остальные доклады были прочитаны в четырех секциях. На секции "Синхронное и диахроническое словообразование" выступили С. П. Лопушанская (Волгоград), рассказавшая о бесприставочных глаголах движения как словообразовательных основах производных слов, М. Н. Булдакова (Ижевск), которая рассмотрела историю абстрактных имен с префиксом *анти-*, Л. С. Андреева (Казань), посвятившая свой доклад функциональному аспекту русского именного словообразования начала XVIII в., В. М. Грязнова (Ставрополь), исследовавшая устаревание словообразовательной дублетности в системе наименований лиц в русском языке первой половины XIX в., В. Н. Виноградова (Москва), которая охарактеризовала особенности функционирования поэтических новообразований и их эволюцию, Т. В. Стрельцова (Оренбург), определившая место и роль авторских образований в лексике русского языка.

На секции "Историческая лексикология и лексическая семантика" были рассмотрены такие традиционные, но по-прежнему актуальные вопросы, как взаимоотношение славянизмов и русиз-

мов [здесь следует упомянуть доклады Т. Н. Кандауровой (Москва) "От цвета молока до туманности (к изменению внутренней формы прилагательного *мlechный*)", Т. Ф. Кузенной (Калининград) "Основные направления семантической адаптации славянизмов в системе древнерусского языка", Н. А. Кипиани (Тбилиси) "Из истории функционирования синонимов с полногласием и неполногласием"]; история отдельных слов и лексико-семантических групп [в частности, Р. В. Алимпиева (Калининград) выявила сакральный смысл слова *любовь* в церковнославянских канонических текстах как одного из основных компонентов лексико-семантических парадигм; Г. В. Звездова (Липецк) охарактеризовала место и роль лексемы *въчьныи* в системе темпоральных прилагательных; Н. Г. Благова (Мурманск) проследила специфику функционирования судебной лексики в языке XVII в., Г. Р. Доброва (С.-Петербург) исследовала исторические изменения русских антропонимов в процессе языковой эволюции и их окказиональные изменения в детской речи]. В докладе Г. П. Смолицкой (Москва) освещался вопрос об изменении формы гидронима в русском языке XIV—XX вв. В. И. Дьякова (Воронеж) и В. И. Хитрова (Москва) посвятили свой доклад отрицательным экспрессивным названиям со значением лица в воронежской деловой письменности XVII—XVIII вв. О. Е. Кармакова (Москва) рассказала об изменениях в лексической системе говоров Московской области. Е. А. Нефедова (Москва) охарактеризовала функционирование метафор в семантическом поле глагольных слов в русских говорах. В. Г. Демьянов (Москва) рассматривал освоение русским языком XVII в. английских топонимов и антропонимов, проходившее через немецкое фонетическое посредничество. Ряд лексикологических докладов представили хозяева конференции — преподаватели Калининградского университета: в частности, выступление А. И. Дубяго было посвящено семантическим изменениям в лексике русского литературного языка 40—60-х годов XIX в., В. И. Заботкина проанализировала эволюцию прагматического блока значения слова в результате изменений в картине мира, Г. И. Берестнев затронул проблему гносеологического аспекта в историко-семантических исследованиях, А. И. Шрамм

проследил развитие новых значений у относительных прилагательных.

Ряд докладов, представленных на секции "Историческая грамматика и грамматическая семантика", был посвящен именной морфологии: В.Б. Крысько (Москва) высказал гипотезу о преемственности древненовгородского окончания номинатива ед.ч. муж. рода **o*-склонения -е и общеславянской флексии **-o < *-os*, Т.М. Николаева (Казань) рассказала о взаимодействии именительного и звательного падежей в истории русского языка, О.Ф. Жолобов (Казань) продемонстрировал различия в судьбах форм двойственного числа, обозначающих парные сущности и соединения двух самостоятельных объектов, С.И. Иорданиди (Москва) на материале древнерусских памятников XII—XIII вв. охарактеризовала функционирование анумеральных существительных, в частности, собирательных. Другой блок докладов затрагивал проблемы глагольной морфологии: М.А. Корчиц (Гродно) осветил историю деепричастных оборотов с *будучи* в белорусском языке, В.Ф. Аскоченская (Воронеж) рассмотрела происхождение инфинитива и его функционирование в славянских языках, Н.А. Тупикова (Волгоград) проследила развитие инфинитива в качестве ядерного средства выражения категории инперсональности, О.Г. Гецова (Москва) говорила о судьбе церковнославянских действительных причастий наст. времени в архангельских говорах.

На секции "Фонетико-фонологические изменения" было заслушано четыре доклада. А.Ф. Журавлев (Москва) показал, что эволюция праславянского языка по данным лексики рисуется иной, чем по данным фонетики: не резкое размежевание, а постепенное "расползание" в стороны. Е.Н. Бекасова (Оренбург) исследовала особенности формирования морфологических систем русского и украинского языков на примере

рефлексов **tj*, **dj*. В сообщении Р.Ф. Касаткиной и Е.В. Шигель (обе — Москва) доказывалось существование ассимилятивно-диссимилятивного аканья в некоторых говорах Липецкой области. Л.Л. Касаткин (Москва) выдвинул гипотезу о происхождении флексии -о в севернорусских формах типа *возо*, *годо* из редуцированного, находившегося в сильной фразовой позиции.

Конференция завершилась круглым столом "Проблемы и принципы современной истории языка", проходившим под председательством В.В. Колесова (С.-Петербург), который в своем выступлении указал на методологический кризис в исторической русистике и призвал к синтезу лучших традиций московской и петербургской историко-лингвистических школ. И.С. Улуханов отметил необходимость обогащения теоретического аппарата истории языка достижениями синхронного языкознания. В.Б. Крысько подчеркнул, что новые издания памятников и появление академических исторических картотек русского языка создают условия для пересмотра некоторых догм исторической русистики и открывают возможности для написания принципиально новой, отвечающей современному уровню науки, исторической грамматики древнерусского языка. В ряде выступлений затрагивались вопросы современного статуса церковнославянского языка.

В целом, несмотря на существенное сокращение круга участников по сравнению с предыдущими совещаниями, вызванное известными внелингвистическими обстоятельствами, мало благоприятствующими процветанию науки, очередная историко-диалектологическая конференция показала, что исследования по истории языка и диалектологии продолжают и координация этих исследований по-прежнему необходима.

К.В. (Москва)

12—14 октября 1992 г. в Москве состоялась конференция "Типологическое и сопоставительное изучение славянских и балканских языков", организованная Институтом славяноведения и балканистики РАН. Это вторая научная встреча, проведенная Институтом славяноведения и балканистики по данной проблематике, см. [1, 2]. Настоящая конференция была посвящена общим проблемам теории и методологии типологического и сопоставительного описания в основном близкородственных славянских языков, но привлекались также факты других языковых семей. Кроме теоретических проблем, обсуждались конкретные результаты сопоставительных исследований в области морфологии, синтаксиса, морфологии, лексики, семантики и фонетики. В работе конференции приняли участие сотрудники и аспиранты научно-исследовательских учреждений, высших учебных заведений Москвы, С.-Петербурга, Киева, Новосибирска, Кирова, Кишинева.

Одним из наиболее теоретически насыщенных был доклад Т. М. Николаевой (Москва) "Типология и диахрония". Автор обратил внимание на то, что для синхронного описания в настоящее время накоплено относительно большое количество знаний об универсалиях в структурах языков; для диахронии же список универсалий только начинает создаваться. Расширение инвентаря диахронических универсалий может коренным образом изменить представление о родственных связях языков. Т. М. Николаева считает важнейшим вопрос о том, действительно ли факты современной нам типологической картины позволяют верно реконструировать тот или иной фрагмент восстанавливаемого языка.

Чрезвычайно теоретически интересный доклад был представлен В. Б. Касевичем (С.-Петербург) — "Типология языков и типология культур". При рассмотрении корреляции между типом языка и типом культуры автор полагает более продуктивным говорить не столько о сложности, сколько именно о типе культуры. В частности, культуры могут быть в большей/меньшей степени ориентированы на диалог/монолог. Отсюда — большая/меньшая представленность дейктических/анафорических средств. Сопоставление параллельных текстов на русском и вьетнамском языках показало, что число анафорических местоимений

в русском языке вдвое превышает тот же показатель для вьетнамского языка. Вероятно, вьетнамское высказывание в большей степени связано с диалогом.

Возможности и специфические особенности применения сопоставительного метода для изучения грамматических явлений, возникающих в результате длительного контактирования неродственных языков, были изложены в докладе Е. И. Деминой (Москва) "Сопоставительный метод при изучении языковой интерференции на грамматическом уровне". На материале системы модальных категорий болгарского глагола (имперцептив, конклюдив, адмиратив, комментатив), присущих в кругу балканских языков также македонскому и албанскому глаголу, автор показала, что под влиянием модели османско-турецкого глагола в условиях длительных контактов в грамматике этих языков постепенно был закреплён ряд семантических дифференциальных признаков, ранее известных им только на общем семиологическом уровне. Это привело к становлению новых для них грамматических категорий.

Общие принципы применения типологического метода обсуждались в докладе Н. Ф. Алиевой (Москва) "Выделение доминантных черт в строе отдельного языка как метод корректного представления дескриптивного материала в типологии". Докладчик считает необходимым включать в типологическую характеристику языка не просто черты, образующие универсальные категории, но черты, доминантные для структуры данного языка.

Общетеоретическим проблемам синтаксической типологии был посвящён доклад Я. Г. Тестельца (Москва) "Дополнение к типологии порядка слов: класс языков со смешанным типом ветвления". В работах известных типологов Дж. Гринберга, Дж. Хокинса, Л. Стассена и др. предлагается деление языков по признаку последовательного расположения определяющих элементов перед или после определяемых ("языки левого и правого ветвления"); автор выявляет также языки, в которых большинство сочетаний с ветвящимися категориями допускает оба возможных порядка. Это языки со свободным или смешанным типом ветвления.

Оживлённый отклик у участников конференции вызвало выступление А. Е. Кибрика (Москва) на тему "Типология родственных языков: синхрония и эволю-

ция". А.Е. Кибрик утверждает, что для типологии принципиально важно изучение некоторых параметров на материале родственных языков, так как 1) последние демонстрируют не только сходства, но и различия; 2) используя метод исчисления типов, можно на базе данных родственных языков предсказать возможное существование еще не обнаруженных языковых свойств. Докладчик показал (на примере 22 родственных языков Северного Кавказа), что материал родственных языков очень благоприятен для реконструкции эволюционных процессов.

Ряд последовавших докладов, посвященных типологическому и сопоставительному описанию различных явлений в славянских языках, послужил как бы иллюстрацией к тезисам доклада А.Е. Кибрика. Так, З. Рудник-Карват (Варшава) предложила некоторую рабочую модель славянского словообразования. Выбрав подход "от смысла к форме", она сравнивает непроемные предикатно-аргументные структуры в современных славянских языках. М. И. Ермакова (Москва), сопоставив верхнелужицкие и нижнелужицкие грамматические категории времени и залога, с точки зрения морфологических средств их выражения и с учетом данных польского и чешского языков, отметила типологические различия и сходства этих категорий в верхнелужицком и нижнелужицком языках.

Значительное место на конференции заняли вопросы синтаксиса. Например, В.С. Храковский (С.-Петербург) обсуждал проблемы типологического анализа на материале условных конструкций в славянских языках. Автор предложил исчисляющую классификацию условных конструкций, включающую 216 моделей, из которых в славянских языках реально функционирует 106. Н. А. Козинцева (С.-Петербург), выступившая с докладом "Структурно-типологическая характеристика категории пересказываемости", привела факты древнеармянского языка в сравнении с современным армянским, в котором пересказываемость является одним из значений перфекта. Эти данные интересны в плане сопоставления с категорией пересказываемости в балканских языках. Т. Н. Молошная (Москва) сделала обзор косвенных наклонений в славянских языках, акцентируя их сходства и различия. Докладчик не включает в

число членов грамматической категории наклонения такие формы, как конъюнктив, пересказывательные формы и некот. др. А. В. Головачева (Москва) проанализировала словосочетания типа "имя possessора + класс глаголов некоторой семантики + имя объекта обладания", выражающие possessивное значение в русском, польском, чешском и словацком языках. И. А. Васюкова (Москва) произвела функциональную классификацию болгарских присубстантивных сочетаний и сопоставила эти сочетания с соответствующими русскими, отметив используемые формальные показатели русских и болгарских единиц синтаксиса.

На конференции рассматривались также проблемы морфологии. В докладе "К типологии морфонологических моделей: *deverbativa* на **-enъje*" С. М. Толстая (Москва) предложила типологический критерий в славянской морфологии — йотация *i*-глаголов, применение которого распределяет славянские языки между двумя полюсами: моделью с регулярной йотацией и моделью с полным отсутствием йотации. В докладе Т. В. Поповой (Москва) "К вопросу о синхронной членности глагольных словоформ в славянских языках" была высказана мысль о необходимости признания единой глагольной основы, реализующейся в одном или нескольких вариантах, в которых вычленяется структурный элемент, завершающий основу. Он может быть представлен разными фонемами, в том числе нулем. Такой подход обеспечивает полную сопоставимость морфонологических элементов в славянских глагольных формах.

Вопросы типологического изучения фонологии и фонетики близкородственных языков поднимались в докладе Л. Э. Калнынь (Москва) "К вопросу о критериях типологического тождества на фонетическом уровне". Автор призывает подвергнуть типологической интерпретации не только фонематические единицы, но также и такие фонетические особенности, которые проявляются в сегменте более длинном, чем звук/фонема или их сочетание. Это позволяет создать более адекватное представление о типологическом сходстве и различии в славянском диалектном континууме, в частности выявляет связь украинских диалектов с южнославянскими.

Много интересного было сообщено по конкретным проблемам славянского словообразования. Обратил на себя

внимание доклад Ю.Е. Стемковской (Москва), в котором освещались особенности функционирования иноязычных суффиксов в чешском и сербскохорватском языках, а также была высказана гипотеза о том, что на разную степень подчиненности иноязычных суффиксов собственным моделям в указанных языках влияют и языковые факторы и менталитет носителей этих языков. Е.В. Петрухина (Москва) выступила с докладом, отмеченным нетрадиционным подходом к видообразованию славянского глагола — не от формы (префиксы) и не от семантики (способы глагольного действия), а от лексического значения мотивирующего глагола.

Значительное внимание на конференции было уделено семантике. Бесспорно наиболее глубокая разработка проблем грамматической семантики была представлена в докладе А.В. Бондарко (С.-Петербург) "К проблеме стратификации семантики". Автор различает смысловые основания языковых значений и специфические особенности представления смысла в значениях языковых единиц. Эквивалентность смысла, лежащая в основе "равнозначных" высказываний в сопоставляемых языках, сочетается с возможной неэквивалентностью элементов языковой интерпретации. А.В. Бондарко выделяет два типа неэквивалентности: 1) функционально-парадигматическую, обусловленную наличием/отсутствием тех или иных единиц, классов и категорий или различием в их значениях; 2) функционально-синтагматическую, обусловленную различиями в функционировании сравниваемых единиц. В докладе были рассмотрены вопросы дифференциации уровня системно-языковых значений и уровня семантической характеристики высказывания. Особое внимание было уделено проблеме интенциональности. Было подчеркнуто, что необходимо проводить различие между значением и функцией. Следует отметить также доклад Т.Н. Маляр и О.Н. Селиверстовой (Москва) в котором рассматривались и сопоставлялись дистанционно-пространственные отношения в русском и английском языках. Оказывается, в этом плане данные языки обнаруживают много общих черт. Ф.Я. Мухамеджанова (Москва) доложила об опыте разграничения фактивных и нефактивных предикатов. В этом отношении были сопоставлены русск. *ожидать* и англ. *expect*. Г.К. Ве-

недиктов (Москва) сравнил известную группу соотносительных глаголов движения, обозначающих 1) движение однонаправленное (русс. *нести*) и 2) как неоднаправленное, так и однонаправленное (русс. *носить*) в восточно- и западнославянских языках, и подобные пары глаголов в литовском языке. Докладчик продемонстрировал аналогичность семантического соотношения глаголов данного типа в литовском тому, что наблюдается в славянских языках.

На конференции широко обсуждалась и собственно лексическая семантика. Г.П. Клепикова (Москва) сообщила о результатах сравнительно-типологического исследования лексики, семантики и общих принципов номинации в карпатском диалектном континууме, отраженных на картах Общеславянского диалектологического атласа. И.А. Седакова (Москва) рассматривала номинативные процессы с использованием общеславянского термина родства *баба* на материале русского и болгарского языков. Т.С. Тихомирова (Москва) прочитала насыщенный интересными фактами доклад, в котором анализировались случаи, когда эквивалентность польских и русских словосочетаний достигается за счет слов, принадлежащих к разным частям речи, например, польск. *zdać mikroskopowo* и русск. *исследовать при помощи микроскопа*. Как итоговый — в области лексики и семантики — прозвучал доклад Л.Н. Смирнова (Москва). В нем рассматривались некоторые направления синхронно-сопоставительного изучения словарного состава славянских языков, представленные в трудах чешских и словацких лингвистов, которые имеют общее теоретическое и методологическое значение для сопоставительных исследований близкородственных языков.

Подводя итоги конференции, председатель оргкомитета Т.Н. Моложная отметила, что сделанные сообщения и состоявшаяся дискуссия отражают возросший уровень исследований по типологии родственных языков, и выразила надежду на то, что Институт славяноведения и балканистики РАН сможет и в дальнейшем проводить конференции по типологической и сопоставительной проблематике.

Тезисы докладов данной конференции были предварительно опубликованы [3]. В этот сборник включены также тезисы докладов, которые по разным

причинам не были зачитаны на конференции и поэтому здесь не упоминались, но которые представляют несомненный интерес.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Синхронно-сопоставительное изучение грамматического строя славянских языков: Тез. докл. и сообщ. советско-польской конференции. М., 1989.

2. Проблемы сопоставительной грамматики славянских языков. М., 1990.
3. Типологическое и сопоставительное изучение славянских и балканских языков: Тез. докл. и сообщ. межреспубликанской конференции. М., 1992.

Молошная Т.Н. (Москва)